

Волчица

Автор:

Надежда Волгина

Волчица

Надежда Волгина

Волки

Волки в моей жизни были всегда. Я восхищалась их силой, повадками. Вольные хищники вдохновляли братья за кисть и переносить их образы на полотно. Но я даже подумать не могла, что среди них встречаются не совсем обычные. А когда судьба занесла меня в клан оборотней, поняла, что нравы там царят куда как более суровые, что поступки их носят зачастую далеко неблагородный характер и что среди них встречаются такие, кто ради удовлетворения собственных амбиций готов пожертвовать самыми близкими.

В оформлении обложки использованы фотографии с сайта shutterstock.

Глава 1

С детства мне казалось, что волки чем-то похожи на людей. Свободолюбием, непокорностью, даже жестокостью... Не самые грациозные животные, но как они двигаются, сколько затаенной силы в их обманчиво мягкой поступи. Как выслеживают добычу, не оставляя ей ни малейшего шанса на спасение. Как вгрызаются в горло жертве, побеждая в честном поединке. Их инстинкты сродни человеческому разуму. Только вот почему-то мне всегда казалось, что не инстинкты это вовсе, что они гораздо умнее, чем мы считаем, и человеку свойственно заблуждаться насчет этих довольно неприметных хищников.

Сколько помню себя, всегда рисовала волков. На детских рисунках они больше напоминали головастики. В художественной школе, по мере роста моего мастерства и навыков, они приобретали все более натуральные очертания. А в художественном училище, где я была единственным анималистом, специализирующейся исключительно на волках, эти животные постепенно наделялись мною присущими людям чертами. В самых разных условиях обитания, куда заносила моих героев моя фантазия, они жили, боролись с трудностями, любили и умирали.

Мама называет меня волчонком, хоть я уже и далеко не ребенок. Папа добродушно посмеивается над моей «узкобokoстью», как сам это называет. Коллеги многие не понимают и даже осуждают художника анималиста, изображающего исключительно волков. Я же просто занимаюсь любимым делом, и, как ни странно, это мне приносит приличный доход, позволяющий не зависеть от родителей. Мои волки пользуются спросом у таких же ценителей этих животных. Периодически я устраиваю персональные выставки в нашей художественной галереи, где удается продавать часть картин. А еще выполняю индивидуальные заказы, что тоже позволяет не бедствовать.

Зима в этом году решила наступить слишком рано, словно мстила людям за что-то. Ни бабьего лета с золотым убранством, ни шуршания листьев под ногами, ничего подобного мы так и не дождались. Первый снег выпал на зеленые шапки деревьев и больше уже толком не растаял. Так же быстренько листья с деревьев облетели, не выдержав натиска, и превратились в густую кашу под ногами, смешавшись со снегом и грязью. К концу октября эту кашу укрыло белым ковром, спрятав до весны.

Я смотрела на разыгравшуюся за окном пургу и размышляла, стоит ли отменять поход в зоопарк, что предпринимала каждый вторник, или плюнуть на непогоду и не нарушать традицию. Вовремя сообразила, что мама не может не позвонить и не предостеречь меня. Едва вставила в уши слуховой аппарат, как услышала трель телефона.

– Надеюсь, ты не собираешься тащиться в такую пургу за город? – опуская приветствие, поинтересовалась моя строгая и не в меру переживательная мама.

– Как раз размышляю над этим вопросом, – улыбнулась я ее предсказуемости.

– Волчонок, не дури. Дождись ясной погоды. Никуда твои волки не убегут.

– Мам, а ты не нуди. Я уже взрослая девочка.

В двадцать два года я действительно считала себя таковой. Даже жила отдельно от родителей, на чем сама же и настояла. Квартира бабушки после ее смерти все равно пустовала, вот я и решила обустроиться в ней. Сделала ремонт и оборудовала тут все под себя. Одна комната служила мне мастерской, а вторая – всем остальным. Родители повозмущались для вида, но вынуждены были согласиться. Да и между нашими домами расстояние измерялось метрами, а не километрами. Родительский дом был в пешей доступности от моего, и, как результат, они были частыми гостями в моей квартире.

– Инга, твое упрямство меня выбешивает, – сурово произнесла мама. Она всегда называла меня по имени, когда была крайне мной недовольна.

– Мамулечка, ну не раскисну я, не переживай. Оденусь потеплее, – я же всегда начинала подлизываться, видя ее недовольство. И, как правило, это срабатывало.

– Машину не бери, – уже менее сурово произнесла она, начиная сдаваться. – На дорогах скользко, да и придурков хватает. Хоть и не слепая, но все же...

– Да, я глухая, – рассмеялась я.

Раз мама дежурно пошутила, значит, точно отошла. Я родилась с очень слабым слухом, который к двум годам еще и ухудшился. Именно тогда врач и прописал мне «затычки» в уши, называемые слуховым аппаратом. С тех пор я с ними срослась и даже научилась извлекать определенную прелесть. Например, мне нравится сравнивать пустоту вокруг себя, лишенную каких-либо звуков, и мир, наполненный ими до отказа. В пустоте я привыкла думать и наблюдать, а звуки возвращают меня из мира фантазий в реальность.

Этюдник я приготовила еще с вечера, сложив в ящик все необходимое. Уже вчера я догадалась, что поработать акварелью не получится, пришлось

ограничиться пастелью, что любила не очень. С моей точки зрения нежные пастельные тона и полутона слабо сочетались с яркими характерами волков. Но и в карандаше писать тоже не хотелось.

Упаковав ножки от этюдника в футляр-переноску, я покинула пределы теплой квартиры, чтобы слиться с неласковой природой.

Зоопарк раскинулся за городом в живописном овражистом месте. Летом природа распускалась там пышным цветом, создавая естественные затенения, даря приятную прохладу. Но и зимой это место не выглядело менее красивым, разве что немного суровым и монохромным.

Пока ждала экспресс, следующий в аэропорт, умудрилась промерзнуть на ветру, хоть и постаралась закутаться как следует. Лыжный костюм отлично справлялся со своей задачей, а вот вязаная шапочка с ушами активно продувалась, да и ботинки мне следовало обуть на толстой подошве. Возвращаться домой не хотелось, оставалось надеяться, что я успею наработаться, прежде чем замерзну окончательно.

Не доезжая остановки до аэровокзала, я покинула тепло автобуса и по узкой обледенелой тропинке принялась спускаться к зоопарку.

– Здравствуйте, тетя Тань! – поздоровалась я с билетершей, важно заседающей в крохотной будке при входе.

– Ну кто бы мог подумать, что и сегодня придешь, – беззлобно усмехнулась сухонькая женщина, протягивая мне билет. – Кроме тебя, наверное, и не будет больше никого. Плодотворной тебе работы, девонька, – пожелала она мне, в я уже всей душой стремилась к любимому вольеру, чувствуя, как сильно соскучилась по своим питомцам.

Настраивая этюдник, я наблюдала за волками. Пока видела только троих, остальные прятались в искусственной пещере, имитирующей натуральную скалу. Где-то там же грели носики два волчонка, тогда как мама их уже всю беспокойно металась перед забором, стоило ей только завидеть меня.

– И чего ты разволновалась, будто первый раз видишь меня? – пробормотала я, крепя лист на крышке этюдника. Благодаря тому, что зоопарк располагался в

низине, ветер здесь не дул порывами, как на поверхности. – Я тебе точно не враг.

Интересно, покажется ли мне сегодня черный самец? Вообще, вместе с волчатами, зверей в вольере насчитывалось девять особей. Но черный волк появлялся очень редко. За все время видела его дважды и то мельком. «Позировать» он отказывался, пришлось писать его по памяти. Выходил ненадолго и вел себя странновато, будто сторонился других волков. Интересный экземпляр.

Как-то выставку мою посетил один охотник. И хоть я не одобряю подобный вид деятельности, даже отвергаю его всей душой, этот человек показался мне симпатичным. Тогда мы с ним разговорились, и я поняла, что про повадки волков он знает все. Именно тогда он подтвердил мою теорию, что волки очень похожи на людей.

– Среди них встречаются настоящие ленивцы, – рассказывал он. – Берут разве то, что само в пасть идет. А встречаются и обжоры без меры. Некоторые занимаются бандитизмом, по-другому и не выразишься. Невероятно жестокие звери. Убивают ради забавы. Могут завалить сразу несколько лосей и выесть у них только печень и языки. А остальная гора мяса остается гнить...

Вот как после такого не сравнивать их с людьми?

Черный самец не показывался, хоть и еще два волка вышли из убежища. Волнение самки передалось и им. Теперь они уже все дружно кружили возле забора.

– И чего вы разволновались? Все же хорошо...

Я делала наброски, решив передать холсту именно то настроение, в котором волки пребывали сейчас – волнение, предчувствие чего-то. Мне нужно было видеть выражение их глаз, и я переместилась ближе к клетке. Самка периодически останавливалась и угрожающе рычала, но я старалась не обращать на это внимания. Ее волнение оправдано – переживает за малышей, а я всего лишь делаю свою работу, никому не мешая.

Наверное, в какой-то момент я подошла слишком близко к сетке и всматривалась в глаза самки чересчур настойчиво. Одним резким движением она бросилась на ограждение. И не оттащи меня с тот момент сильные руки, не факт, что отделалась бы только прорехой на куртке.

Мужчина, что держал меня за плечи и что-то говорил, выглядел более чем суровым. Я же искала в глубоких карманах свои «затычки», чтобы услышать его. Нащупав их на самом дне, среди мелкого мусора, я наконец-то перестала быть глухой. Интуитивно ждала привычной реакции. Почему-то люди, особенно парни, заметив в моих ушах миниатюрные приспособления для моделирования слуха, сразу же менялись в поведении. Если до этого они откровенно подъезжали ко мне, то потом появлялось отчуждение с толикой брезгливости. Словно, стоило им узнать о моей глухоте, как и внешность моя переставала казаться симпатичной. Впрочем, я уже давно у этому привыкла и уже почти не обижалась и не расстраивалась. Тем более меня удивило, что этот мужчина даже не заметил моего жеста.

– ...Панибратство с волками почти всегда заканчивается плачевно, – расслышала я окончание фразы. Не нужно было быть семи пядей во лобу, чтобы догадаться о смысле всей тирады.

– Я просто увлеклась, вот и все, – как можно спокойнее произнесла, пытаюсь освободиться от его рук, что продолжали сдавливать мои плечи. Он, по-видимому, этого не замечал, а мне уже становилось больно.

– Простите, – опомнился парень, отпустил меня и отошел на шаг. – Я просто испугался за вас. И, кажется, волчица порвала ваш пуховик.

– Не страшно, – отмахнулась я. – Починю.

– В ее жилах играет кровь предков.

Парень смотрел на вмиг присмирившую самку, словно она могла понимать, о чем мы говорим. Я же наблюдала за ним тайком, отмечая все: какой он высокий и симпатичный. Немного диковатый, но ему это даже идет. Глаза непривычного янтарного оттенка, редко когда можно встретить такие. Фигура спортивная, сильная. Рядом с ним я чувствовала себя крошечной и ущербной. Хоть от последнего и успела отвыкнуть, годами приучая себя к мысли, что ничем не

хуже всех остальных. А тут вдруг такое... Даже писать дальше расхотелось. Одно желание осталось – сбежать отсюда восвояси.

- Почему вы так смотрите? – повернулся ко мне парень.

Только тут сообразила, что стою и беззастенчиво пялюсь на него.

- Извините, – спохватилась я, отворачиваясь и переключаясь на этюдник.

Руки сами делали привычную работу – складывали пастель, снимали набросок. Мозг же в это время фиксировал, что парень не торопится уходить, стоит рядом и наблюдает. Интересно, почему?

Когда я принялась отвинчивать ножки, он произнес:

- Давайте я...

Даже если бы хотела возразить, сделать мне этого не позволили. Он просто-напросто забрал у меня этюдник, быстро отвинтил ножки и спрятал их в футляр.

- По-моему, вы замерзли. На территории зоопарка есть кафе. Пойдемте, погреемся?

Про кафе я знала, но никогда там не была. Как-то привыкла уже заканчивать работу и бежать домой, чтобы наносить завершающие штрихи. Но сегодня все пошло не так. Даже набросок я не доделала. И он прав, я прилично подмерзла, особенно ноги и уши.

- Предлагаю поторопиться с решением, – улыбнулся парень, и улыбка его мне очень понравилась, – пока не замерзли окончательно.

- Антон, – представился парень, когда мы разместились за круглым столиком, пристроив на подоконнике мои художественные причиндалы.

- Инга, – отчего-то смутилась я.

Вдруг стало стыдно своих наушников, прилизанных от шапки волос, полного отсутствия макияжа... Да и одета я была по-спортивно. Он же без куртки, в темно-синем джемпере выглядел еще симпатичнее. И волосы, оказывается, у него черные, как смоль, как поняла, когда он снял шапку. А лицо смуглое, словно только что вернулся с югов. Хотя, скорее всего, он от природы такой.

- Ты красиво рисуешь, - как-то вдруг перешел он на «ты».

- Спасибо! - ответила я, хоть и не понимала, когда он успел рассмотреть. И разве что ту мазню, которую и наброском-то не назовешь.

- Я наблюдал несколько раз, как ты работаешь.

Вот теперь понятно. Не известно почему, но его похвала и то, что наблюдал, мне были приятны.

- А ты здесь работаешь?

- Нет, - тряхнул он головой. - Здесь работает моя тетя, а я ее навещаю.

- А я люблю волков, - зачем-то решила уточнить, чувствуя себя все глупее, понимая, что разговор выходит каким-то натянутым.

- За что? - тут же спросил он, внимательно меня разглядывая. - Почему ты их любишь?

- Сама не знаю, - пожала я плечами. - Нравится наблюдать за ними. Может, в прошлой жизни я была волчицей? - усмехнулась.

- Это вряд ли, - странно отреагировал он. В его голосе слышалась уверенность, которая удивляла.

- Ну значит, мне просто нравится, какие они. А ты любишь волков?

- Скорее нет, чем да, - подумав, ответил Антом. - Я наблюдал за их повадками и понял, что это одни из самых опасных и мстительных хищников.

- И кому же они мстят?

- Людям. Особенно, если те убивают волчат, не оставляя ни одного. Тогда этот зверь становится поистине страшным. Он начинает мстить, и никто уже не в силах его остановить. Он будет убивать до последнего вдоха.

Почему в его словах мне слышится угроза, словно я собралась на охоту, чтобы отстреливать волчат? Я и сама считаю это недопустимым. Как вообще у кого-то может подняться рука на ребенка?

- Что? Нагнал на тебя жути? - рассмеялся Антон, и снова мне смех его показался неестественным. - Ты приходишь сюда каждый вторник? - сменил он тему.

- Стараюсь. Если погода позволяет.

Он продолжал расспрашивать меня. Интересовался всем - семьей, работой... А я не могла отделаться от мысли, что все это не касается совершенно постороннего человека, и упорно продолжала отвечать, стараясь делать это честно. А еще росла неловкость, словно меня тут вовсе не должно быть, как будто делаю что-то запретное. И наряду со всеми этими чувствами, мне нравилось смотреть на его лицо, как оно меняет выражение во власти мыслей, как загораются его глаза интересом к чему-то.

Кофе уже давно был выпит, да и с пирожным я расправилась шустро. Пора было собираться домой, но робость мешала заговорить об этом.

- Где ты живешь? - поинтересовался Антон.

- Далеко, - ограничилась я и сочла нужным вежливо улыбнуться.

- Я на машине. Давай отвезу...

- Нет, спасибо! Я на автобусе лучше.

Не знаю, почему, но мне поскорее хотелось остаться одной.

- А позвонить тебе можно?

– Зачем? – выпалила, не подумав.

– А зачем парни звонят девушкам? – рассмеялся Антон совершенно беззлобно. – Чтобы пригласить на свидание.

– Нет, спасибо! – опять ляпнула я и почувствовала, как густо краснею. Ну вот, теперь он подумает, что на свидания меня не приглашают, и окажется прав. Только вот, чтобы он так думал мне совершенно не хотелось. – Давай, лучше, встретимся тут в следующий вторник.

– Как скажешь, – тряхнул он головой.

С чего я взяла, что он захочет тащиться сюда снова? Только потому, что тут работает его тетя? Или я предложила это, наоборот, чтобы больше не встречаться с ним?

Одеваясь и собирая вещи, я старалась не смотреть на Антона, чувствуя его взгляд на себе.

– Пока, – бросила через плечо и поспешила на выход.

Даже обрадовалась колючему снегу, полетевшему в лицо под порывом ветра. А еще захотела поскорее домой и подальше от нового знакомого.

Глава 2

Неделя выдалась напряженной. Приходилось трудиться днями напролет, чтобы закончить три картины, которые обещала хозяину художественного магазина. Особенно хлопотными и утомительными выдались выходные. В краеведческом музее мэрия города организовала выставку местных художников. Меня тоже пригласили поучаствовать, на что я с радостью согласилась. Устроители выставки настояли на присутствии авторов для «живого» общения с посетителями. Вот так и получилось, что с десяти утра и до девяти вечера я вынуждена была отвечать на бесконечные вопросы.

Особое внимание посетителей выставки привлекла моя картина под названием «Жертва». Я и сама к ней относилась неоднозначно из-за сложного и даже немного щекотливого сюжета. На ней у меня изображен волк, за которым прячется волчица. Он спасает самку от смерти, чтобы избежать вечного одиночества. Предпочитает умереть сам, нежели лишиться ее.

Конечно же про эту особенность волков я слышала из рассказов охотников, читала в книгах. Воочию не видела никогда. Лишь ярко все себе представляла. И неважно, какое место в стае занимает самец. Даже если это вожак, он, не раздумывая, пожертвует собой, ради своей пары, даст возможность самке спрятаться, а то и вовсе убежать. Именно его я изобразила на полотне, не ее. Мне важен был взгляд волка. Как может смотреть существо, сознательно идущее на смерть, что выражают его глаза, когда он готовится к последнему прыжку в своей жизни. Охотники говорят, кому хоть однажды пришлось увидеть предсмертный взгляд волка, тот забыть его уже не сможет никогда.

Отвечая на многочисленные вопросы, я так и не могла определить, как сама отношусь к подобному самопожертвованию. Склонялась лишь к мысли, что волки в этом плане гораздо сильнее нас, людей. И еще больше восхищалась этими животными.

В воскресенье вечером я чувствовала себя совершенно разбитой, вернувшись с выставки и отмокая в ванне. Как и периодически, невзирая на занятость на неделе, мысли мои сейчас были о новом знакомом – Антоне. Интересно, придет ли он в зоопарк во вторник? Или наша прошлая встреча так и останется единственной? И чем он меня так зацепил, что не могу выкинуть его из головы?

Ко вторнику распогодилось. Несмотря на мороз, светило яркое солнце и весело щебетали птицы. Волков опять было восемь. Сегодня они показались мне все, кроме одного. Черный опять предпочел отсидеться в скале. Как в прошлый и позапрошлый разы. Непримируемый одиночка, гордый самец, вынужденный жить в неволе. Я по нему скучала. Именно его хотелось запечатлеть на полотне. Только не здесь, а на воле, хоть в мыслях освободить его из клетки.

На этот раз я была во всеоружии – слуховой аппарат доставать не стала. И все равно вздрогнула от неожиданности, услышав за спиной короткое «Привет».

Антон стоял рядом и рассматривал набросок.

– Ты видела его? – кивнул он на силуэт черного волка, которого я писала по памяти, наблюдая за остальными.

– Конечно! Правда уже давно в последний раз. Он странный и какой-то дикий, – улыбнулась я своими мыслям.

– В чем странный? – внимательно посмотрел он на меня.

В этот момент я отвлеклась, залюбовавшись им. Сегодня мне Антон показался еще более красивым и мужественным. А его необычные глаза отливали янтарем в солнечном свете. И даже легкая небритость, которую я терпеть не могла у мужчин, его не портила, а придавала облику едва уловимую диковатость.

– Инга?.. – позвал Антон, а я осознала, что стою и рассматриваю его, как музейный экспонат. И конечно же, краска стыда не заставила себя ждать, затапливая лицо и шею.

– Извини, задумалась, – пробормотала я, резко отворачиваясь и досадуя на себя. – Ты что-то спросил?

– Мне интересно, чем именно этот волк кажется тебе странным.

Я задумалась. А и правда, чем? С виду обычный волк. Ну разве что держащийся стороной. Так почему я его выделяю из других? Да потому, что даже смотрит он не так, как другие волки, и ни разу не проявил агрессии или паники при моем появлении.

– Думаешь, он умнее остальных? – уточнил Антон.

– Трудно рассуждать об уме волков, – невольно рассмеялась я. – Что могут люди об этом знать? Только догадываться, разве...

Я снова вернулась к наброску, молчаливо позволяя Антону находиться рядом. Его присутствие, и то, что он следил за моей работой, не смущали. Наоборот, лестно было осознавать, что смотреть ему нравится. А иначе стал бы он тут оставаться, давно ушел бы по своим делам. Невольно мысли заработали в другом направлении. Интересно, чем он вообще занимается? Ладно я по

вторникам полдня пропадаю тут. Это часть моей работы. А он? Где он работает?

Бросив на Антона быстрый взгляд, поняла, что он задумался, разглядывая волчицу, что, как обычно, нарезала беспокойные круги вдоль забора. Отвлекать или задавать вопросы стало неловко. Да и какая мне разница, на что он живет!

Несколько раз Антон отлучался, и каждый раз мне казалось, что он не вернется, уйдет не попрощавшись. Но в какой-то момент он оказывался рядом или на ближайшей лавке. Наконец-то, и я догадалась, что он терпеливо ждет, когда я закончу работать. Надеюсь, не для того, чтобы снова затащить меня в кафе. Опять испытывать неловкость не хотелось, а свободнее в его обществе я себя не чувствовала. Да и странно как-то все. В то, что нравлюсь ему, как женщина, я не верила. Такие, как он, не обращают внимания на таких, как я. Не то чтобы считала себя дурнушкой. Вовсе нет. Природа не поскупилась и одарила меня довольно приятной внешностью, как утверждали многие. От мамы я унаследовала зеленые глаза, что считалось редкостью. А папа наградил меня пышной шевелюрой. Только цвет я взяла у мамы – соломенный. На фигуру тоже не жаловалась, вполне себе стандартная, вещи можно покупать без примерки, сорок четвертого размера. Только вот сама я считала себя не такой как все и относилась глухоту скорее к недостаткам, чем к изюминке, на которую кто-то может клюнуть. Давно уже смирилась с этой мыслью, но не могла не стесняться собственной ущербности.

– На сегодня все, – нарочито бодро произнесла я, поворачиваясь к Антону.

Набросок я закончила, остальное можно дописать дома. Да и несмотря на солнце, я изрядно подмерзла.

– И что планируешь делать дальше? – встал он с лавки и приблизился ко мне.

– Продолжить работу дома, – пожала плечами я.

С окончанием работы вернулась неловкость, от которой никак не могла избавиться, словно была чем-то обязана Антону, а не по своей воле он полдня проторчал рядом.

– Пойдем ко мне, – огорошил он меня в следующий момент.

– Как это?..

– Ну, я приглашаю тебя в гости, если, конечно, работа может подождать.

– А зачем?

Над этим вопросом я подумала, прежде чем задать. Действительно, не понимала, чего он от меня хочет. Мы и видимся-то второй раз в жизни. О каком приглашении домой может идти речь! Станный он какой-то, хоть и вроде нормальный с виду.

– Хочу накормить тебя обедом. Неля обещалась приготовить баранье рагу.

Кто такая Неля? Это первое, о чем подумала. Но это точно не мое дело. Поэтому ограничилась:

– Я не ем баранину. У нее специфический запах.

– Ты не ела баранину, правильно приготовленную, – добродушно усмехнулся он. – И сегодня у тебя появилась такая возможность.

Больше всего в тот момент мне хотелось спросить его в лоб о намерениях, но я снова не рискнула. Вместо этого задумалась, как можно вежливее отказаться от странного и несвоевременного приглашения.

– Инга, я просто приглашаю тебя на обед, вместо того, чтобы кормить пирожными в местном кафе. Соглашайся.

Его улыбка подкупала, задевала какие-то потаенные струны в моей душе. Я даже почувствовала, как согреваюсь, словно от него исходило тепло. Губы сами растянулись в ответной улыбке, и будто со стороны услышала собственный голос:

– Хорошо, только ненадолго.

Первый тревожный сигнал поступил, когда увидела его машину – ярко-красная, спортивного типа. И хоть я даже примерно не разбиралась в иномарках, почему-

то была уверена, что стоит она немало. Когда Антон вырулил не в сторону города, а в противоположную, я уже нешуточно запаниковала, стараясь не подавать вида, усиленно таращась в окно, хоть ровным счетом ничего не замечала. А когда мы подъехали к двухэтажному особняку, то я и вовсе растерялась. В таких роскошных жилищах мне еще бывать не доводилось.

Антон распахнул дверцу с моей стороны и церемонно подал руку. Куда девался тот парень, с которым мы еще недавно рассуждали о волках? Сейчас он мне уже не казался простым. Не вязался в моем представлении образ простачка с таким жилищем. Все в жизни чему-то соответствует. А учитывая, что среди моих знакомых нет никого богаче меня, что все мы живем примерно одинаково, то испытывала я даже не робость, а желание уехать отсюда и поскорее. Но конечно же, я этого не сделала, а подала Антону руку и позволила довести себя до входной двери. При этом, старалась не подавать виду, насколько неуютно себя чувствую.

Дверь открыла пухленькая дама лет пятидесяти. Это и была та самая Неля, что мастерски готовит рагу из баранины. Она улыбалась мне так, словно я у нее на глазах сошла с полотна известного художника и зажила самостоятельной жизнью. Складывалось впечатление, что девушек в этом доме отродясь не выдывали. Несколько раз Неля даже пыталась приобнять меня. По всей видимости, останавливал ее мой настороженный взгляд. Вот уж чего я точно не желала, так это объятий домработницы Антона. И нежелание мое было вызвано не статусом, а привычкой держать на расстоянии малознакомых людей. Впрочем, это не мешало мне держать свою руку в руке нового знакомого, эгоистично полагая, что раз ей там уютно, и он не спешит ее выпускать, то так тому и быть.

- Ты тут живешь один? - невольно поинтересовалась я, рассматривая богатую обстановку в просторном холле с широкой лестницей, ведущей на второй этаж. Она мне напомнила лестницу из «Унесенных ветром», разве что красной дорожкой не была устлана.

- С Нелей, - улыбнулся Антон.

Любопытство мое разыгралось не на шутку. Чем же он занимается, что позволяет содержать такой дом? И вскоре я получила ответ на свой молчаливый вопрос. Все оказалось проще, чем могла подумать. Антон зарабатывал на компьютерных играх. В подробности он вдаваться не стал, да я и не просила.

Узнала только, что у него своя фирма, довольно процветающая, и масса свободного времени. Как говорится, человек попал в струю.

Вскоре я отведала и хваленного рагу. Вынуждена была признаться, что совершенно не почувствовала запаха баранины. Уж не знаю, какие специи Неля добавила в блюдо, но вкусно было так, что я и не заметила, как смела все с тарелки и получила порцию добавки.

Когда обед подходил к концу, и я лихорадочно придумывала, как можно вежливо попросить Антона, чтобы отвез меня домой, он неожиданно предложил:

– Давай выпьем кофе в моей галерее?

– А и правда! – подхватила Неля. – Сейчас я вам там быстренько столик сервирую. Деточка, Антоша большой ценитель живописи. А ты ведь художница? Значит, тоже должна ее любить.

Железная логика! Я едва сдержала смех. Но за полчаса, что провела в столовой, поняла, что доброта и открытость этой женщины натуральная, не наносная. Видно, она до такой степени редко встречает гостей в этом доме, что обрадовалась мне как родной. И теперь всячески старается сделать так, чтобы задержалась я подольше.

В галерее насчитывалось не больше пятнадцати картин. Каково же было мое удивление, когда разглядела на стенах несколько своих полотен, в том числе одно из ранних. На нем была изображена белая волчица из зоопарка. Тогда она еще была значительно моложе, только вошедшая в пору юности. Помню, с каким чувством писала эту картину – неприятия того, что свободолюбивого зверя заточают в клетку, сопереживания ее стремлению вырваться на волю. Именно поэтому решетку я изобразила на заднем плане. Впечатление создавалось двояким: то ли я нахожусь внутри клетки, то ли волчица каким-то образом покинула ее. Многие говорили, что эта картина одна из самых удачных моих. Мне же всегда становилось грустно, глядя на нее, поэтому даже обрадовалась, когда ее купили. И уж точно я даже не подозревала, где она теперь находится.

– Давно она у тебя? – продолжала я рассматривать полотно, вспоминая те дни, когда писала его.

– Давно.

Голос Антона раздался слишком близко. Я почувствовала, как на голове шевельнулись волосы от его дыхания. Мимолетный трепет всколыхнул душу. Я резко обернулась и оказалась лицом к лицу с мужчиной, который все еще продолжал оставаться для меня загадкой и о котором я не могла не думать.

– Получается, ты следил за мной? – тихо произнесла, стараясь чтобы не дрожал голос. Его близость рождала робость и какие-то смутные желания.

– Я искал тебя, – так же тихо ответил Антон, склоняясь к моему лицу.

– А вот и кофе! – голос Нели ворвался небольшим тайфуном, отрезвляя, прогоняя наваждение.

Я отошла в сторону, пытаюсь восстановить и без того шаткое равновесие в душе. Если в первую нашу встречу я испытывала неловкость, то сейчас к ней примешивалась робость. Да и была ли эта встреча первой? Для меня да, а для него?

– Обязательно попробуй печеньеца, деточка, – щебетала домработница, сервируя круглый столик между двумя креслами посреди комнаты. – Это мой фирменный рецепт, на кукурузной муке.

Прихлебывая обжигающий кофе, я лихорадочно соображала. Зачем он искал меня и почему не показывался так долго? Ведь не узнать место на той картине было невозможно. Я с точностью до мельчайших деталей воспроизвела фрагмент вольера с волками. Даже вывеска возле него попадала в поле зрения. Значит, Антон точно знал, где меня искать.

Спрашивать, как давно он наблюдает за мной, не стала. Неловко становилось уже от мысли, что он смотрел на меня, когда я забывала обо всем, отключала мир вокруг себя, сосредотачиваясь на своих питомцах. Однорупники рассказывали, что в такие моменты я веду себя странно. Могу разговаривать сама с собой. И для меня это нормально, ведь голоса своего я не слышу. А иногда даже начинаю пританцовывать. И это я могла бы объяснить. Временами, в голове у меня начинает звучать музыка, тогда как все вокруг погружено в тишину.

Получается, он видел все мои странности, тогда как я считала, что нахожусь одна, и до глухой художницы никому нет дела. Осознавать это было по меньшей мере неприятно.

– Зачем ты искал меня? – вопрос прозвучал агрессивнее, чем хотела.

– Потому что ты моя пара.

Ответ показался мне даже не странным, а смешным. Какая еще пара? Издевается он надо мной?

– Как у них, – сделал Антон неопределенный жест, но я поняла, что он имеет ввиду волков.

Я пыталась разглядеть признаки издевки на его лице и не находила. Но он не может говорить все это всерьез. О волчьей преданности слагают легенды. Но где они, и где мы. Люди могут только мечтать о подобной привязанности, как о великом достоинстве, которого мы лишены в силу своей развитости.

Под пристальным взглядом Антона я совершенно растерялась. Все-таки странный он какой-то, если рассуждает всерьез. А если шутит, так искусно маскируясь, то зачем ему это нужно.

– Мне пора домой, – так и не нашлась я с ответом.

Встала, очень надеясь, что он последует моему примеру, а не продолжит разговор в том же духе.

– Постой, – придержал он меня за руку, снова оказываясь слишком близко, нарушая мое внутреннее пространство. Мне пришлось задрать голову, чтобы посмотреть ему в глаза. – Ты мне не веришь, но это правда.

Он приблизил ко мне свое лицо, и в следующее мгновение его губы накрыли мои. Мягкие, теплые и такие приятные. Он не настаивал на ответном поцелуе. Я захотела этого сама. Наши уста слились, а языки пустились в древний танец. Голова закружилась от наплыва эмоций, и я уже не осознавала, где нахожусь и что делаю. Лишь мысль, что мне это безумно приятно, не оставляла в покое. И

где-то глубоко внутри меня скреблось предостережение, что так не бывает или не должно быть.

– Мне правда нужно домой, – прервала я поцелуй, пытаюсь собрать разбегающиеся мысли и избавиться от наваждения.

– Я отвезу, – отозвался Антон, но руки его продолжали крепко удерживать меня, а смотрел он так, что я почувствовала ростки настоящего возбуждения и испугалась собственной реакции.

– Тогда поехали? – попыталась улыбнуться.

– Поехали, – сделал он над собой видимое усилие.

Всю обратную дорогу мы молчали. Я испытывала все большую неловкость и не могла придумать тему для разговора. Антон и вовсе был погружен в задумчивость и выглядел при этом слишком серьезным.

Остановившись во дворе моего дома, он повернулся ко мне и заговорил:

– Понимаю, что мое поведение кажется тебе странным и что не имею права что-либо от тебя требовать, но... можем мы завтра встретиться?

Такого вопроса я точно не ожидала. Почему-то самой собой решила, что в следующий раз увижу его во вторник, в зоопарке. Если честно, даже размышляла, стоит ли мне туда идти. Не то чтобы я не хотела его больше видеть. Скорее боялась того нового, что появилось между нами. Сегодняшний поцелуй меня напугал, и даже себе я не признавалась, какое удовольствие от него получила. Но и отказать Антону не смогла.

– Я освобожусь в шесть, – только и сказала, назвав адрес художественной галереи, где на половину пятого у меня была назначена встреча.

– Клиент задерживается, – такими словами встретила меня директор выставки Ольга Степановна. – Звонил, предупредил, что подъедет через полчаса.

Я бросила взгляд на часы. Встреча должна была начаться еще десять минут назад. Я и сама опоздала, долго ждала автобуса. Машину брать не стала, догадываясь, что Антон заедет за мной на своей.

– Зачем ему вообще понадобилось со мной встречаться? – с досадой произнесла я, предвидя, что разговор займет больше времени и к шести мы не закончим.

Неудобно было заставлять ждать Антона и предупредить, чтобы подъехал позже, я тоже не могла. Телефонами мы не обменялись, как-то даже мысль такая в голову не пришла.

– Да кто ж его знает? – пожала плечами Ольга Степановна. – Солидный такой мужчина, сразу видно, что при деньгах. Говорит, заинтересовала его твоя манера письма. Вроде как предложение у него есть. Я бы его вежливо отбрила, если бы не купил он сразу пять твоих картин. Такими клиентами на разбрасываются, как ты понимаешь. Пойдем, чайку выпьем, чего в холле-то топтаться...

По дороге в кабинет директора я все размышляла, что же мне не нравится больше всего. Во-первых, смущало масштабное приобретение моих картин. Это выбивалось из правил. Конечно, выставки мне приносили доход, но картины обычно уходили по одной, максимум, две. Во-вторых, пахло диктаторством чужой воли, мол, я тебя осчастливил, купил картины, так ты теперь будь добра поблагодари меня лично. В-третьих, вряд ли сейчас, когда я нашла свою нишу, меня могут заинтересовать любые предложения. В существующем положении вещей меня все устраивало. Ну и кроме всего прочего, вчерашний день наложил отпечаток на сегодняшний – я не хотела заставлять ждать Антона. А еще тщательно готовилась к нашей встрече, что и не преминула заметить Ольга Степановна.

– А чего это ты сегодня такая нарядная, словно в театр собралась? – прищурилась она, разглядывая меня.

Не то чтобы я очень тщательно продумала свой образ на сегодня, но от традиционных брюк решила отойти и надела платье. К нему, естественно,

сапоги-чулки на каблуке. Ну и чуть дольше поколдовала над своим лицом, нанося макияж.

– И на часы все время смотришь, – продолжала рассуждать она. – На свидание, что ли, собралась?

Прозвучало немного оскорбительно, если бы я не знала Ольгу Степановну уже очень давно и не была уверена, что обидеть она меня не хочет.

– Угадали, – кивнула я.

– И во сколько свидание?

– В шесть.

– Тогда в твоих интересах закончить встречу быстрее. Остается надеяться, что клиент не опоздает еще сильнее. А кто он?

Я поняла, кого она имеет в виду, хоть и любопытство директрисы считала чрезмерным.

– Да так... знакомый, – отмахнулась я, не желая вдаваться в подробности. И уж точно не хотела рассказывать, что познакомилась с Антоном в зоопарке

Мудрая Ольга Степановна на этом прекратила расспросы и позволила мне спокойно допить чай. А там и клиент подоспел. Им оказался импозантный мужчина с седой шевелюрой. На вид ему можно было дать лет шестьдесят. Но и то только при очень детальном разглядывании. Его ухоженность и одежда «кричали» о достатке. Манера держать себя наводила на мысль о властности и нетерпимости. Да и сила угадывалась нешуточная под дорогими костюмом и пальто.

– Вот, значит, вы какая, Инга Терехова? – взял он мою руку и не пожал ее, как я сначала надеялась, а поднес к губам.

– Какая? – с удовольствием забрала я у него свою руку, когда он соизволил ее выпустить.

– Необычная, – немного подумав, ответил Артем Давыдович, как представился секунду до этого.

Таких комплиментов я еще на получала. Его слова оставили неприятный осадок в душе. Лучше бы назвал красавицей. Пусть это и было бы откровенное вранье, но все же традиционное, принятое в обществе.

– О чем вы хотели поговорить со мной? – приступила я к делу, не желая терять времени, которого до свидания у меня и так оставалось не больше сорока минут.

– А давайте пройдемся по залу, и вы мне для начала расскажете о себе, – неожиданно предложил мужчина.

Я в растерянности оглянулась на Ольгу Степановну. Та лишь мимолетно пожала плечами, мол, чем я-то могу помочь? И сама я не нашлась, что можно возразить. Так и пришлось мне с ним двинуться вдоль полотен, отвечая на бесчисленные вопросы. Слава богу, он не спрашивал ни о чем личного характера. В основном его интересовали годы, проведенные в художественном училище. В каких конкурсах я принимала участие? Кто мои преподаватели? Когда я определилась с направлением анимализма в живописи?.. Но даже этих вопросов было слишком много. И я совершенно не понимала, зачем ему все это нужно знать.

В какой-то момент, взглянув на часы и сообразив, что до встречи с Антоном осталось пять минут, я перешла в наступление:

– Артем Давыдович, давайте перейдем к делу. Ольга Степановна сказала, что вы хотите мне что-то предложить?

– Совершенно верно...

Тут он замялся и повел себя вовсе странно. Закрутил в стороны головой, словно приюхиваясь к чему-то. Я последовала его примеру, но ничего необычного не заметила. В галереи все так же витал едва уловимый запах краски с примесью женского парфюма. Да и закрылась она два часа назад, и кроме нас в зале никого не было.

– Артем Давыдович... – позвала я, когда поняла, что он и вовсе забыл о моем присутствии. – Все в порядке?

– Да, все замечательно! – словно очнулся он, отвечая нарочито бодро, как мне показалось. Все еще не могла избавиться от мысли, что этого мужчину что-то здорово напрягает.

– Что конкретно вы хотели мне предложить? Дело в том, что я очень спешу, – решила я быть честной.

Большая стрелка часов уже перевалила за двенадцать, а это значило, что Антон меня уже дожидается на парковке возле галереи. В том, что он пунктуален, у меня не было сомнений.

– Мое предложение не терпит спешки, – медленно протянул он, разглядывая меня со странным выражением на лице, словно только что увидел, а до этого представлял совершенно по-другому. – Давайте поступим так, – решительно произнес он. – На следующей неделе, в субботу я устраиваю небольшую вечеринку. Соберутся самые близкие. Приглашаю вас присоединиться к нам. Я покажу вам свою коллекцию, а заодно и обсудим детали моего предложения.

Лишь бы только поскорее отделаться от него, я была вынуждена согласиться. Станным образом этот мужчина меня напрягал. Для себя решила, что через пару дней позвоню ему и сошлюсь на неотложные дела, почему не смогу присутствовать на вечеринке. А еще я пришла к выводу, что мне совершенно не интересно, что именно он собирается предложить. Интуитивно чувствовала, что от таких людей лучше держаться подальше.

Пока провожала клиента, обмениваясь стандартными любезностями, и прощалась с Ольгой Степановной, прошло еще минут пятнадцать. Машину Антона разглядела сразу же, испытывая неловкость за опоздание, чего категорически не любила сама.

– Извини, встреча затянулась, – вместо приветствия проговорила я, усаживаясь на пассажирское сидение.

– А ты давно знаешь Маркова? – огорошил меня Антон.

- Какого еще Маркова? Не знаю такого.

- Мужчина, что вышел сейчас из галереи, Марков Артем Давыдович – один их самых крупных предпринимателей города, – пояснил Антон, вырвав со стоянки.

- Да? Так я его и не знаю. Видела сегодня впервые...

- И что он хотел от тебя?

Странно, но голос Антона звучал напряженно. То этот Марков к чему-то приносивался и выглядел, мягко говоря, экстравагантно, то теперь меня допрашивают и делают это откровенно агрессивно.

- Сегодня все сошли с ума? – пробормотала я, стараясь не поддаваться обиде.

- Прости, – накрыл Антон мою руку. – Просто про этого Маркова я много чего слышал.

- Я не собираюсь с ним иметь никаких дел, – ответила я, давая понять, что разговор окончен. Еще не хватало поспорить на первом свидании.

- Вот и ладно.

- Куда мы едем? – спросила я через какое-то время, когда поняла, что Антон выехал за город.

- К моему другу, – улыбнулся он. – Там тебя ждет сюрприз.

Сюрприз? Ну что ж, сюрпризы я люблю, если они приятные. Я искоса взглянула на лицо Антона и поняла, что он очень доволен собой. Мое шестое чувство тоже молчало. Значит, все хорошо?

Друг жил в деревеньке, километрах в пятидесяти от города. Когда мы остановились возле небольшого срубового домика на самой окраине, возле леса, уже окончательно стемнело. По периметру дома горели фонарики, освещая усаженный елочками сад. Странно, но других деревьев я тут не заметила. Еще

порадовала скромность жилища. Не хотела бы я снова оказаться на богатой вилле, где ужин подает домработница.

Дверь открыл мужчина, который сразу же мне понравился. Он так обрадовался нашему приходу, что долго тряс не только руку Антона, но и мою тоже.

– Это Инга, – представил меня Антон, – а это мой лучший друг Дима.

– И моя жена Ксюня, – улыбнулся мужчина.

К нам уже спешила стройная брюнетка, а за ней!.. За ней неслись наперегонки четыре настоящих волчонка! Хорошенькие до ужаса, озорные, как все дети. Они громко тьякали и наскакивали друг на друга. Валились на пол и принимались шутливо кусаться.

– Тише вы, непоседы! – прикрикнула на волчат Ксюша. – Ни минуты покоя...

А волчата уже подбежали к нам и принялись тереться об ноги. Боже мой! Какая прелесть! Я не выдержала и подхватила одного, самого шустрого, на руки. Тот, недолго думая, лизнул меня в нос. Да так смачно, что я не выдержала и чихнула. Другого волчонка уже всю тискал Антон. И два оставшихся напрыгивали на него, явно мечтая тоже оказаться на руках.

– Да вы посмотрите, что они тут устроили! – распереживалась Ксюша. – Вы же нашему гостю брюки изорвете.

– Ксю, оставь, – попросил ее Антон. – Я тоже соскучился.

С этими словами он упал на пол прямо в коридоре и позволил волчатам прыгать по себе вволю, смеясь и уворачиваясь от их языков.

– Инга, проходи в комнату, – позвала меня Ксюша. – Не смотри на этих ненормальных.

К тому моменту и Дима присоединился к куче моле. В небольшой гостиной с ярко пылающим камином и накрытым столом я прислушивалась к возне в коридоре. Это же как нужно любить этих животных, чтобы сразу четверых завести у себя

дома. Мне хотелось спросить, не боятся ли они, что повыврастав волки станут опасными для людей. Сама бы я, наверное, не решилась на такой шаг. Но Ксюша улыбалась каким-то своим мыслям, расставляя приборы на столе, и я так и не рискнула задать свой вопрос.

Вернулись Антон с Димой в сопровождении небольшой стайки. Я поймала себя на мысли, что стою, смотрю на них и улыбаюсь. В душе плескалось умиление с примесью восхищения и малюсенькой толики зависти. Неужели я тоже так хочу? А еще я невольно сравнила этих двух мужчин. Оба высокие и сильные. Только Антон жгучий брюнет, а у Димы волосы такого же цвета, как и у меня, соломенные. Но чем-то неуловимым эти двое были похожи.

– Давайте к столу, – пригласила Ксюша. – А вы, брысь на кухню! Там для вас пир готов, – шикнула она на волчат.

И те послушались – рванули из комнаты, отталкивая друг дружку, несясь на перегонки. Я не выдержала и рассмеялась. Поймав на себе ласковый взгляд Антона, снова смутилась.

Давно я так здорово не проводила вечер. Антон с Димой смешили нас историями из детства. Оказывается, они выросли в одной деревне и дружили с пеленок. Чего только не вытворяли в те годы. Как вообще умудрились вырасти!

Временами я ловила на себе задумчивые взгляды Ксюши. Но стоило мне только посмотреть на нее, как на губах женщины неизменно расцветала дружелюбная улыбка. Если меня и удивляло ее внимание с примесью любопытства, то я приписывала эту особенность ее пытливому характеру.

Засиделись мы допоздна. Меня уже вовсю клонило в сон, когда мы прощались с гостеприимными хозяевами и шли к машине. Волчата уже и вовсе дрыхли возле камина, только пузики их потешно вздымались, да ушки подрагивали во сне.

– Они замечательные!

Этой фразой я охарактеризовала сразу всех – и хозяев дома, и их милых питомцев.

– Ты им тоже понравилась, – улыбнулся Антон, разглядывая меня в темноте салона.

Интересно, что он видит, если я только и замечаю, как блестят его глаза.

На обратном пути я задремала. Проснулась, когда Антон затормозил во дворе моего дома. Мелькнула мысль пригласить его на чашечку кофе, но я ее сразу же отменила. Не хотела форсировать события, которые итак развивались слишком стремительно.

Антон первый выскочил из машины и помог выбраться мне. Сразу же заключил в объятия и жарко поцеловал. Ничего против не имела и с удовольствием ответила на поцелуй.

– Весь вечер мечтал об этом, – пробормотал он мне в макушку, зарываясь губами в волосы.

Он не спешил отпускать меня, а мне было очень уютно в его объятиях. Так бы стояла ночь напролет, если бы не соседка, баб Люда.

– Тьфу ты, окаянные, напугали! – раздался рядом с нами ее ворчливый голос. – Инга, ты чоль? А чего во дворе третесь, когда ночь уже! Народ пугаете...

– А вы чего так поздно, баб Люд? – не осталась я в долгу, высвобождаясь из объятий Антона.

– Чаво, чаво... Вот доживешь до моего возраста, поймешь. С Тоськой бессонницу коротали, чаевничали с медком...

Она все продолжала ворчать, скрываясь в подъезде, и я поняла, что настала пора прощаться.

– Мне пора, – только и сказала, направляясь к подъезду.

– Завтра позвоню, – услышала я голос Антона и повернулась, чтобы бросить на него еще один единственный взгляд.

На этот раз мы с ним обменялись телефонами. Наверное, предложи он мне и завтра свидание, я бы не отказалась. Но он не предложил.

Глава 4

На следующий день Антон не позвонил. Не то чтобы я все время об этом думала. Да и работы накопилось много. Нужно было выполнить серию рисунков про волков для иллюстрированного издания. Это же издательство заказало мне обложку для художественного произведения про оборотней. На ней должны быть изображены волки и девушка. С последним, конечно, было сложнее, потому что людей я не писала, но теоретически это делать умела. Но даже занятая с утра до вечера с коротким перерывом на обед, я нет-нет, да вспоминала об Антоне и его обещании позвонить. И с телефоном моим все было в порядке, потому что звонили все кому не лень. Редактор, директор галереи, заказчики, мама полчаса трепала нервы, допрашивая меня с пристрастием. Даже подруга со времен училища умудрилась позвонить из другого города.

Вечером, укладываясь в постель, я позволила себе поразмышлять и пришла к выводу, что у Антона появились неотложные дела, и не до звонков и свиданий ему было.

Следующий день принес новые привычные хлопоты. Сегодня он обязательно позвонит. Так думала я, и уверенность таяла по мере того, как текли часы. Вечером перед сном я уже всерьез задумалась, какие такие дела могут навалиться, что он с легкостью нарушает данное слово? Или так он поступает всегда – дает обещания и не выполняет их? Вряд ли. В моем представлении сложился совершенно другой образ – надежный и ответственный. Схватив телефон с тумбочки, я решительно набрала его номер, но в ответ услышала механический голос, сообщающий, что абонент временно недоступен. Засыпала с трудом, испытывая легкое беспокойство.

Когда Антон не позвонил еще через день, я уже места не находила себе от беспокойства. Как назло, это был день, когда мое присутствие на выставке считалось обязательным. Приходилось общаться с народом, вежливо улыбаться, отвечать на бесконечные вопросы, а в голове засела мысль, что случилось что-то серьезное. Тем более что телефон Антона продолжал быть отключенным.

Еле дождавшись закрытия павильона, я отправилась к Антону домой. Особняк встретил меня темными окнами и наглухо закрытыми воротами. Сколько не втапливала кнопку звонка, так никто и не вышел. Еще час я просидела в машине в надежде, что вернется хотя бы Неля, но уже стемнело окончательно, но так никто и не появился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/volgina_nadezhda/volchica

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)